

В. Г. Смирнова
МВА имени К. И. Скрябина
(Россия, Москва)
val.grig.smirnova@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. В любой культуре существуют так называемые ключевые концепты. Для русской языковой картины мира ключевые концепты, по признанию ряда авторов, заключены в таких словах, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 11]. Ключевыми они являются и для А. Платонова. Однако, кроме них, рядом авторов (Н.А. Кожевникова, М.А. Дмитриевская, М.М. Вознесенская, Т.В. Радбиль, Э. Рудаковская и др.) не раз отмечалась особая приверженность А. Платонова к таким понятиям, как *жизнь и смерть, живые и мертвые, существование и небытие, забвение*. В художественной картине мира писателя им отведено особое место.

Тема смерти пронизывает «Чевенгур» и «Котлован», рассказ «Третий сын» и многие другие произведения писателя. У Платонова, как правило, не только актуализированы сами понятия «жизнь» и «смерть», но и отмечается повторяемость языкового выражения определенных ощущений, связанных с жизнью и смертью. Платоновская метафора в самом языке черпает возможности для последовательного перевода языковых абстракций на язык конкретно-чувственного мышления. Используя слова с фразеологически связанными, переносными значениями, на основе которых, как было замечено В.В. Виноградовым [1977], в языке образуются устойчивые фразеологические сочетания, А. Платонов средствами контекста актуализирует прямые номинативные значения этих слов, обычно конкретно-физического характера. В основу этих значений легли вполне определенные, хорошо знакомые каждому представления и ощущения, поэтому семантически они гораздо проще для восприятия. Сама общность представлений обеспечивается единством мира ощущений, единством социальной среды и генетическим единством физиологии человека [Смирнова 2014: 317]. Так, никто не сомневается в том, что для жизни необходимо иметь прежде всего жизнеспособное тело, которого должно быть достаточно для поддержания жизни. Отсюда у Платонова подчеркнутый интерес к состоянию плоти, тела, частей тела, органов [Платонов 2009–2011].

Её сердце ушло, – понял красноармеец и покрыл утихшее лицо покойной чистой холстиной, которую он имел при себе как запасную портянку. – Ей и жить-то уже нечем было: ишь как тело её голод и горе сгладили – кость сквозь кожу светится наружу («Взыскание погибших»).

В контексте фраза «Ей и жить-то уж нечем было» интерпретируется в буквальном смысле: тела не осталось (*кость сквозь кожу светится наружу*) и *сердце ушло*, – поэтому и нечем жить, нет жизнеспособной материи. Платонов

находит емкую формулу для объединения обоих этих смыслов: *тело её горе и голод сглодали*. Причем лексико-семантическое поле, связанное с концептами «жизнь» и «смерть» вызывает повышенную концептуальную нагруженность бытийной лексики, которая в художественном мире Платонова приобретает визуальный характер [Рудаковская 2004: 291]:

...мягкого тела у него осталось мало, не больше, чем на трупе давно умершего человека, – сохранились лишь кости, и вблизи них ещё держалась жизнь («Седьмой человек»);

И вся грудь её была так мала, что только немного и сухое могло там находиться, – чувствовать что-либо счастливое старухе было уже нечем, её силы могло хватить лишь для мучения. Такая грудь ничего уже не могла делать – ни любить, ни ненавидеть, но над ней самой можно было склониться и заплакать. Рабыня умерла («Такыр»);

...давшая сыновьям обильную, здоровую жизнь, сама старуха оставила себе экономичное, маленькое, сухое тело и долго старалась сберечь его, хотя бы в самом жалком виде, ради того, чтобы любить своих детей и гордиться ими, – пока не умерла («Третий сын»).

Приближение смерти, по Платонову, связано не только с оскудением плоти, но и с ощущением холода, который ассоциируется в нашем представлении с чем-то мёртвым, безжизненным:

...он чувствовал, как тает и исходит его жизнь и пусто и прохладно становится в его сердце, он лёг на комья земли и сжался, как в детстве у матери под одеялом, чтобы согреться («Одухотворенные люди»).

В тексте обнаруживаются очень тонкие смысловые ассоциации, вызванные актуализацией возможных значений конкретно-физического характера и последующим подтверждением их ощущением пустоты и холода.

Образ *исходящей, тающей* жизни встречается, почти дословно повторяясь в динамике своего становления, в этом рассказе еще раз:

Он скоро очнулся и почувствовал, как холодеет, словно тает и уменьшается вся внутренность его тела.

В выявлении логики образа велика роль семантических подсказок. *Внутренность его тела* действительно убывала, поскольку *...из предплечья шла теплая кровь, сочась сквозь рукава кителя, из среза отсеченной руки тоже шла кровь помаленьку*. Учитывая, что кровь – это главное вещество жизни, фразу надо было спешить, потому что жизни оставалось немного нужно понимать буквально – с кровью уходила жизнь, она *таяла* (метафора) и реально *уменьшалась*.

Отметим важную особенность мировидения А. Платонова. В языковой картине мира писателя концепты «жизнь» и «смерть» не разведены, как нечто прямо противопоставленное, они тесно переплетаются, находя подчас неожиданное выражение, объединяющее эти два состояния. Показательно в этом отношении описание ухода из жизни Саши Дванова («Чевенгур»).

Он оглядел все неизменное, смолкшее озеро и насторожился: ведь отец ещё остался – его кости, его жившее вещество тела, тлен его взмокавшей потом рубашки, – вся родина жизни и дружелюбия. И там есть тесное

неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына. Дванов понудил Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду – в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытство смерти, а Дванов шел в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле, потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца.

Смысловые связи между актуализированными в контексте понятиями «жизнь» и «смерть» подтверждают наше наблюдение.

Основное внимание в произведениях А. Платонова привлечено, как известно, к «веществу существования» человека, что определяет место концептов «жизнь» и «смерть» в его художественной картине мира.

Литература

Виноградов В.В. Основные типы лексического значения слова // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. М.: Наука, 1977. С. 162–189.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Платонов А.П. Собрание сочинений в 8 тт. М.: Время, 2009–2011.

Рудаковская Э. Феномен языка Платонова // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. Колесникова Е. И. (ред.). СПб.: Наука, 2004.

Смирнова В.Г. Природа метафоры А. Платонова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 50. Красных В.В., Изотов А.И. (ред.). М.: МаксПресс, 2014.